

* * *

На холмах золотых и зелёных,
В заколдованном царстве травы,
где ковыль седовласый на склонах
не склоняет своей головы,

где в траве, словно юный разведчик,
обретает любовь светлячок,
а рождённый в июне кузнечик
для концерта готовит смычок,

где сидит богомол за роялем –
и внимают ему муравьи,
тихо Пушкин беседует с Далем
о бессмертье, о тайне Любви.

* * *

Птица пролетит, как тень разлуки...
Ты узнаешь детский наш секрет:
терпит тело родовые муки
в час, когда душа рождает свет.

Тополь в одеянии просторном
тянет руки к облачной гряде,
Млечный Путь искрится в небе чёрном,
лунный серп блестит в речной воде.

А когда-то было всё иначе:
спал Адам, земля была гола,
как ребёнок, заходилась в плече
мир под тенью птичьего крыла.

В ожиданье глады, мора, труса
тучи затевали разговор,
но, как пламя, Тело Иисуса
засияло на горе Фавор.

Пётр смотрел, закрыв лицо руками,
не смыкая воспалённых век,
как, пренебрегая облаками,
трогал ветер ткань Его одежд.

Там, внизу, сужалась бесконечность,
втягивая мира круговерть,
и стоял Христос у входа в вечность,
крестной мўкой побеждая смерть.

Ты одна среди прочих созданий –
птиц небесных, зверей полевых
постигаешь причину страданий,
но не ищешь себе оправданий,
даже если нуждаешься в них.

В небе Путь изгибается Млечный...
Я тебе отказать не могу
в грустном праве на холод сердечный,
на случайный и недолговечный
след любви под окном на снегу.

Жизнь меня, словно книгу, листала –
и осталась страница одна...

О, душа моя, что ты искала?
У чьего ты стояла окна?

Чем мысль отчётливей, чем чувство горячей,
тем больше мы найдём разгадок и ключей,
предчувствия и сны свои откроют тайны,
мы вникнем в мятежи и Польши, и Украины,
в их безобразный бунт и злое бесовство,
и собственных страстей познаем естество.

Мы будем верить в то, что этот морок сгинет...
Но если в суете любовь твоя остынет,
мысль затуманится, душа уйдёт в полон –
уныньем и тоской ты будешь опалён.

Одумайся, душа! Отвергни бремя сытых
и вспомни о других – обманутых, убитых,
об огненных словах, забытых впопыхах,
опомнись – и заплачь о собственных грехах.

Но нравится душе блуждать по бездорожью,
согласия искать меж истиной и ложью,
и тело на себя, как пыльный плащ, надеть,
чтоб танго танцевать и в зеркальце глядеть.

Смерти просты законы.
Взгляд у неё безгневный.

Смотрит на нас с иконы
Лазарь Четверодневный.

Сердце больное ноет:
нет ему в мире места...
Мама тарелки моет,
бабушка месит тесто.

Ставим на стол бутылки:
в сером пальто из драпа
в дом из бессрочной ссылки
нынче вернулся папа.

Руки и ноги целы,
снова он вместе с нами,
только повито тело
белыми пеленами.

Он головой качает,
спрашивает: не ждали?
Бабушка отвечает:
– Где же твои медали?

Видишь, как покосился,
высох и сполз к оврагу
дом твой, пока ты бился
за Сталинград и Прагу?

– Смерть – не моя забота,
Есть от неё спасенье –
Лазарева суббота,
Вербное воскресенье...

От всех домов, в которых я жила,
от дивных рек, где рыбы молча плыли,
остались угли, пепел и зола
и тонкий слой какой-то влажной пыли.

Мне некого и не в чем упрекать:
хранится время в виде мелких гранул.
Но есть такое право – окликать
и тех, кто жив, и тех, кто в вечность канул.

Зарос осокой бывший райский сад,
а где-то меж сосной и остролистом
две странных рыбы над землёй висят,
и бьют они хвостами в небе мгlistом.